
НАСЛЕДИЕ

АБДЕЛЬВАХАБ БУХДИБА

МАГРИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Традиционная модель взаимоотношений полов в Магрибе, основанная на иерархии, на «заточении» женщины в доме, на обостренном чувстве стыдливости и чести, на резкости демаркационной линии между жизнью личной и общественной, приходит сегодня в столкновение с иной концепцией, опирающейся на научный взгляд на проблему, снимающей многие запреты и десакрализирующей устоявшиеся табу. Женская эмансипация, которая является лишь одним из аспектов наблюдающейся сегодня всеобщей эмансипации, воздействует на новое распределение общественных ролей и новый подход к взаимоотношению полов в современном обществе. Статья, написанная известным магрибинским социологом в 1984 г., остается актуальной и по сей день.

Ключевые слова: Магриб, гендерные проблемы, взаимоотношения полов, традиционное общество, нормы, честь, целомудрие, женщина, ислам.

Впервые за свою многовековую историю магрибинское общество начинает серьезно интересоваться вопросами полов. Впервые некоторые общественные институты и модели общественного сознания подвергнуты сомнению и пересмотрены отнюдь не «бунтовщиками», или какими-то «маргиналами», или «развратниками», но так или иначе – скрыто или открыто – именно людьми из слоев наиболее просвещенных, наиболее общественно «здоровых», выражающих даже официальную точку зрения. Впервые некоторые

---

¹ Статья в оригинале называется «La société Maghrébine face a la question sexuelle», опубликована в *Cahiers internationaux de sociologie*. 1984. Vol. 76. Pp. 91–110. Печатается с сокращениями. Наш перевод ее впервые опубликован в журнале «Восток» (1992. № 1). Републикуемый текст поправлен переводчиком. Об авторе статьи см. подробно, в частности, в докторской диссертации ливанской исследовательницы Х. Слайби (Slaibi 2009), а также в книге Ш. Эль Феки (El Féki 2012). – *Прим. пер.*

серьезные, заслуживающие доверия источники информации, базирующиеся на достоверных данных по проблеме, начинают – правда, лишь начинают – становиться доступными и открытыми для всех, хотя ни объем, ни качество этой информации по целому ряду причин не находятся пока на достаточно высоком уровне (Sleim Ammar, Habib Ledjri 1972; Mrabet 1967; Léonetti, Levi 1979; Naciha Lakhal Ayat 1978; The Population Council 1986; Mernissi 1982; Tillion 1966). Широко развернувшиеся процессы модернизации способствовали формированию довольно значительной группы исследователей, выражающих свою точку зрения намного свободнее, чем в колониальную эпоху. Прогресс распространения медицинских знаний – особенно в сфере гинекологии и психиатрии – привел к осознанию истинных масштабов проблемы, связанной с взаимоотношением полов. К тому же озабоченность широких кругов населения демографической проблемой и ответственных за нее в первую очередь позволяет формулировать ту или иную позицию по этой проблеме, учитывать объективную ее значимость как основы планирования, развития и организации общественной жизни. Авторы некоторых специальных исследований по вопросам секса – женщины, осмелившиеся нарушить табу, открыто и с вызовом заговорившие о своем опыте, об оковах традиции, о различного рода моральных препятствиях, трудностях, о душевном напряжении, физиологической скованности. Пусть западные «специалисты» по этой проблеме (Zwang 1978) все еще продолжают твердить о том, что в Северной Африке в частности и в арабских странах в целом царят глубокое невежество и отсталость взглядов в области взаимоотношений полов, сегодня мы уже можем сказать что-то определенное и позитивное по этому поводу.

Казалось бы, нет ничего проще, чем рассуждать об этом. Однако нет более коварного, полного засад и ловушек поля для научных открытий или вообще для научной деятельности, чем исследование гендерных проблем. Ныне магрибинское общество, как и всякое другое, берет на себя задачу помочь разобраться в этих проблемах своим гражданам (Ibn Abi Dhiaf 1963).

Общество способствует выработке определенных представлений, взглядов, создает условия для нормальных взаимоотношений между полами. Оно моделирует поведение людей согласно сложившимся этическим нормам, строит человеческие отношения на теоретической основе подлинной свободы (хотя на практике эта свобода оказывается весьма неравноправной для разных полов,

и пол мужской – наиболее «привилегированный» – использует это в своих целях, ибо выбор партнера, правила супружеской жизни, характер внесупружеских связей и даже сами взгляды на них определяются мужской группой населения).

Из этого следует, что общепринятыми нормами становится то, что кодифицировано традиционным обществом, которое учреждает свои модели, регулирующие взаимоотношения полов. Но было бы слишком просто подвергать анализу половой вопрос, отправляясь только от традиционной концепции, классифицируя магрибинцев в соответствии с тем, в какой мере они следуют этим традиционным взглядам или отступают от них. Отметим сразу, что даже внутри тех или иных социальных групп, одних и тех же семей, даже в представлении одного и того же человека могут сосуществовать различные концепции гендерных отношений. Ибо этот вопрос слишком сложен, чтобы его можно было свести к противопоставлению одного или двух каких-то аспектов, так как проблема пола по своей природе – феномен всеобщий. <...> Эта проблема не просто так или иначе затрагивает всех представителей магрибинского общества, но в целом связана с самыми различными аспектами общественной жизни. Но именно этот давно ставший банальностью трюизм ранее как бы не замечался. Вот почему нынешняя гендерная революция в Магрибе – это прежде всего главное гендерное признание данного факта. <...> В течение долгого времени существовала четкая установка – общественная и индивидуальная – на то, что отношения между полами – проблема глубоко интимная, и решать ее можно лишь в границах дома, семьи. «Упрятанная» таким образом в недра семейного очага, эта проблема превращала и женщину скорее в предмет «частной жизни» и объект интимных отношений, нежели делала ее самостоятельной личностью. Эта «приватность» одновременно лишала женщин практически всех прав. Эта же «приватность» (в смысле частичности, ограничения и лишения) была особенно очевидна, поскольку общество присваивало себе абсолютное право регулировать жизнь человеческого коллектива. Происходила как бы сакрализация сферы частной жизни: женщина становилась, таким образом, частью *харам* (сакрального пространства), табу, чем-то запрещенным.

Семейный очаг – это в той мере «внутренняя жизнь» общества, в какой просто жилище превращается в дом, в домочадцев, в обиталище тех, кто его населяет или, точнее, кто в нем в основном обитает, – женщин и детей. Мусульманское право, столь остро ре-

гламентирующее любой шаг верующего, предоставляет только судьям право решать все интимные конфликты, которые могут возникнуть между партнерами (извращения, импотенция, половая неудовлетворенность, излишества...). Но в то же время супруг и супруга имеют право быть защищенными от всякого рода вмешательства других в их интимную жизнь и от предания гласности потребностей их семейных отношений.

Два чувства – стыдливость и целомудрие, а также честь возведены в ранг безусловных требований и лежали в основе жесткого контроля, который осуществляло общество в отношении своих членов. Традиционное воспитание, со своей стороны, обеспечивало на практике все главные коранические предписания. В Коране неоднократно можно встретить указание на обязательность целомудрия в поведении женщин: опускать при встрече с мужчиной глаза, скрывать под покрывалом одежду и украшения, закрывая голову и шею, ходить бесшумно, дабы не привлекать к себе внимание (XXIV, 30, 31). Коран рекомендует женщинам также не входить ни в чье другое, кроме своего, жилище (XX, 14, 27). Он порицает, считая святотатством, попытки покушения на честь невинных женщин (XXIV, 22–23). Многочисленные предписания суры «Женщины» (IV) регулируют половые отношения, устанавливают запреты, главные из которых – инцест, прелюбодеяние и супружеская неверность – определяют сущностное (но не всеобъемлющее) превосходство мужчины над женщиной и детализируют, наконец, технику совершения ритуальных омовений... Конечно, на протяжении веков в различных социальных слоях сложилось свое, особое отношение ко всем этим предписаниям. Однако концепты целомудрия и чести до сих пор имеют коранический субстрат; именно они формируют мировоззрение, основанное на постулатах Корана, составляющих и поныне непререкаемый элемент воспитания каждого молодого магрибинца.

Честь и целомудрие – термины коррелятивные: личностное и коллективное здесь строго взаимосвязаны. Целомудрие – атрибут самой жизни; у них общие истоки, единый смысл. Аль-х'айя – это одновременно и целомудрие, и стыдливость, и стыд, и боязнь святотатства. В расширительном толковании это слово означает долг воздержания от публичного свершения каких-либо актов, которые связаны с жизнедеятельностью человеческого организма и не должны быть известны коллективу людей. Так, принимать пищу, есть на людях – знак нечистоты, нецеломудренности, так же как и про-

зрачность одеяний, или же развязность суждений, или чрезмерная откровенность. Область предписания х'айя в конечном счете распространилась постепенно на все действия, не связанные с необходимостью публичного их свершения. Не выставлять себя напоказ, скрывать свои чувства – таковы обязательные нормы общественного поведения.

Таким образом все то, что касалось раньше сферы интимной жизни, что затрагивало только взаимоотношения полов, превращалось постепенно из проблемы сугубо внутренней, не выходящей за пределы домашнего очага, в проблему общезначимую, важную для всего жизненного уклада. Теперь уже не только женщина должна быть окутана покрывалом стыдливости, но и все, что так или иначе затрагивало ее жизнь. Х'айя вышла, таким образом, за рамки только взаимоотношений мужчины и женщины. Это слово стало означать вообще манеру поведения человека по отношению к окружающим с учетом общественной иерархии, особенно к старшим: родителям, пожилым людям, братьям, наставникам, учителям, хозяевам, товарищам по работе. Да и сами пророки должны испытывать чувство х'айя – быть целомудренными по отношению к Богу, его ангелам, сознавая величие явленного им Откровения... И нет в традиционном Магрибе худшего оскорбления, чем сказать кому-то, что у него «нет стыда»; *калил аль-х'айя*.

Целомудрие – это и психологическая манифестация отношения одного человека к другому: испарина, волнение, прилив теплой волны к лицу – все это выражение социальной стороны поведения человека в Магрибе. *Хишма* – это смесь робости, уважения, скромности и веры и, главным образом, достоинство, сдержанность. Это определенного рода «границы» поведения, стиль отношений с другими на уровне манер, жестов, слов, мыслей и даже интенций. Лишь одному Богу подвластен наш внутренний мир, наши сердца, поэтому и здесь обнаруживает себя х'айя, ибо это – глобальное, тотальное чувство.

Таким образом, установка на сдержанность рождается изнутри. Возбужденное воздействие извне, внешним поведением других людей, которые постоянно поддерживают это чувство, оно становится второй натурой человека, развивает в нем постоянный самоконтроль и четко проводит границу между сугубо личным и общественным. Все то, что относится к сфере взаимоотношений полов, становится поэтому сферой частной жизни и настоящим табу, под которым подразумевается одновременно сочетание и запрещенного, и сакрального. Целомудрие играет защитную роль, и нарушение

запрета вызывает публичное осуждение и божью кару. Личное достоинство и честь – это как бы социальная изнанка целомудрия. Дублируя самоконтроль, общество защищает интимную жизнь своих членов. Чувство чести обязывает к этой защите. То, что блюдется самим человеком, должно быть охраняемым и коллективом людей. Общественное мнение призвано, таким образом, играть роль, прямо пропорциональную личному чувству. Оно служит постоянным стимулом этого чувства, потому что «человек», в смысле «мужчина», – не только тот, что воздерживается из чувства стыда от совершения предосудительных поступков. Это еще и тот, кто защищает свою честь, когда его частная жизнь подвергается нападкам. Это чувство чести не негативно и не нейтрально. Оно позитивно и активно. Даже, пожалуй, весьма действенно.

Отсюда – чрезвычайно жестокий и даже кровожадный характер понятия чести: только кровью смывается покушение на целомудрие... <...> Такое понимание чести до сих пор еще живет в определенных слоях магрибинского общества, придерживающихся традиционных ценностей.

Проблема взаимоотношения полов ныне становится в Магрибе феноменом, подлежащим обязательному контролю. <...> Эмансипация женщины и реструктуризация семьи представляются в Магрибе и необходимыми, и неизбежными. Одновременно подвергается пересмотру вся этическая сторона интимной жизни в традиционном ее аспекте, поскольку именно в недрах семьи насаждается традиционный взгляд на этику половых отношений.

Традиционное общество замкнуло всю проблему рамками частной жизни, а женщину – в стенах гарема, превратив ее в существо одномерное. Женщина только эротизируется; тело ее, вообще весь облик, ее голос, дом, где она живет взаперти, сокрытая от чужих глаз, окутанная тайной, оказываются целиком принадлежащими сфере запретного и жестко регламентируемого религиозным учением, стандартизированным стереотипами. Женщина, которой предписано не появляться на людях, становится как бы приватизированной: существует даже реальный риск ее «опредмечивания», низведения до уровня вещи. Она занимает по традиции в обществе незначительное место. Эта сегментаризация общественного пространства становится атрибутом роли женщины, ее характерной жизненной функцией и превращается даже в общий жизненный принцип, поскольку он участвует в создании системы ценностных ориентаций всего общества.

«Опредмеченная» и выключенная из реальной действительности магрибинская женщина, по существу, не имела гражданских прав, располагая только тем, что ей было предписано по мусульманскому праву... Конечно, и промышленность, и сельскохозяйственное производство, и различные ремесла – все нуждается в женском труде, в знаниях женщины, в ее умении работать. Но женщина чаще оказывалась отчужденной от общественно полезного труда, чем вовлеченной в него. Сопротивление общественного мнения и охраняющего частную жизнь чувства собственности будет еще долго, как это происходит и сегодня, сохранять оппозицию мужчины и женщины. <...>

Традиционное общество «построило» даже или, во всяком случае, создало единую для всех своих членов модель понимания любовного наслаждения, модель, основанную на преобладании мужского, а не женского начала и на оттеснении в сферу семейной, приватной жизни всего того, что так или иначе связано с проблемой пола. Интимные отношения между супругами могут представлять собой и пример, и основной смысл традиционного концепта взаимоотношения полов. Потому что только в браке – каковы бы ни были брачные обычаи и ритуалы, установленные в разных социальных сферах, – находят свое законное и единственное разрешение все эти вопросы. Брак – это *usu cario* или, буквально, апроприация, присвоение себе права обладания одного партнера другим. Брак – совершенно приватное дело, становящееся в строгих рамках закона делом общественным лишь в том случае, если не соблюдаются какие-то общепринятые нормы. Во всяком случае, несмотря на все последствия, которые так или иначе сказываются на общественной жизни, брак не должен колебать фундаментальные устои общества, даже тогда, когда разыгрываются драмы вокруг различных наследственных дел, неизбежно возникающих вследствие исламских предписаний о распределении имущества <...> Магрибинская модель взаимоотношения полов не вполне соответствует положениям общеисламской этики. Она использует весьма приблизительно исламские нормы эгалитаризма и комплементарности, да и то лишь в той мере, в какой речь идет о действительной защите групповых интересов, о поддержании традиций и укреплении самого фундамента общества, его монолитности, его экономической выживаемости. Историки североафриканской древности (Picard 1965; 1970; Hamman 1979) обратили, со своей стороны, внимание на давно сформировавшиеся и ярко выраженные черты магрибин-

ской семьи, которые сохранились и в эпоху ислама вопреки его проповеди комплементарности полов и концепции равного партнерства отношений, основанных гораздо более на соучастии, взаимном уважении и любви, нежели на угнетении женщины, подавлении ее чувств, властности и однозначном утверждении любой ценой мужского превосходства, «вирильности». Препятствия, которые имеются на пути к взаимному удовлетворению, к обоюдному счастью, – а их немало, – не исламского происхождения, не следствие религиозных предписаний: их по-разному воспринимали на протяжении истории в различных обществах, исповедующих ислам. Концепции *ирда*, *шарафа* – это пережитки бедуинского мировоззрения, не поддавшиеся исламизации (Bichr Fares 1932; Chelhod 1971). <...>

Традиционная магрибинская модель взаимоотношений полов однозначна и абсолютна. Она претендует на всеохватность, сводит все гендерные проблемы к необходимости строгого соответствия их «нормативным» принципам. Все отклонения лишь едва терпимые: половые извращения, психопатия, излишества... Однако, как и всякое общество, магрибинское знало и знает немало разнообразие многочисленных типов полового поведения: инцест, гомосексуальность, педерастия, содомизация, нимфомания, проституция, до- и внебрачные отношения. Традиция их осуждает, общество закрывает глаза (более или менее, в зависимости от обстоятельств), но всегда окружает их стеной молчания, как бы предотвращая возможный нежелательный резонанс. Делают вид, что ничего не происходит, лишь бы не нарушать «общественный порядок», лишь бы чья-то личная «честь» не оказалась предметом публичного разбирательства. Это умолчание и сокрытие половых отклонений сбило с толку многих традиционалистов, искренне убежденных в том, что именно традиционные представления о семье и браке – самые здоровые по своему существу и до сих пор живут в обществе, и что лишь они способны охранять его. При этом забывают, что все изложенное выше – результат, достигнутый ценой огромных усилий, направленных на подавление проявлений всех проблем, на то, чтобы загнать их вглубь, выработать поистине утонченную технологию «сексуальной маскировки», особым образом скрывающую процветание всякого рода пороков, отклонений и откровенных извращений. В этом аспекте, очевидно, и надо понимать роль и функции различных колдунов и магов (*дайя* или *даггаза*), характер общественной терпимости, когда регламентируется продажная любовь (допускается, так или иначе, существование в том или ином виде публичных домов. – *Прим. пер.*), или допущение довольно-таки

странных теорий, одна из которых, к примеру, объясняет феномен «спящего» во чреве матери до поры до времени ребенка, то есть «остановившегося» на несколько лет процесса беременности, а потом вдруг снова «продолжившегося» естественным образом (в оправдание детей, прижитых вдовами, разведенными женщинами, при долгом отсутствии мужей их женами и т. д. – *Прим. пер.*).

Традиционное общество однозначно лишь по видимости, по своим юридическим нормам. На самом же деле оно мудро позаботилось о всякого рода предосторожности в отношении «опасных зон», выработало своеобразные теории, классифицирующие различные «сексуально переходные» типы, нашло «могущественные средства», способные смягчить трагические последствия жесткого применения существующих в обществе правил и норм поведения по отношению к разным группам населения. Так, например, жесткая санкция, карающая адюльтер, может быть осуществлена, по исламской доктрине, только в отношении партнеров, каждый из которых со своей стороны состоит в браке, и только после констатации *de visu* совершаемого ими полового акта почти в присутствии четырех свидетелей с мужской стороны (к примеру, вынос запятнанной «девственной кровью» простыни либо рубашки невесты напоказ собравшимся родственникам жениха. – *Прим. пер.*)... Для магрибинского общества главное не в наказании, а в подтверждении системы, институализирующей принцип мужской силы и основное – необходимость обособить мужа, дабы свести к минимуму последствия поведения, так или иначе выходящего за рамки общепринятого. Такая модель, для которой характерен односторонний подход к проблеме и в то же время предусмотрены различные предосторожности, сыграла важную роль, ибо лишь ее одну и приняло общественное сознание, узаконило и включило в систему национального воспитания. Эффективность такой модели не способствовала, тем не менее, ее сакрализации.

Именно в этом плане и надо понимать некоторые обычаи, которые сами по себе могут показаться странными, варварскими или даже лишены всякого смысла. Таков, например, обычай публичной демонстрации «рубашки новобрачной». Муж, выбрасывая в ночь свадьбы в толпу мужчин, собравшихся перед дверью спальни молодоженов, рубашку невесты, запачканную кровью дефлорации, которая только что была им осуществлена, тем самым кладет начало своему *usu cario*, предъявляет право «владения» и объявляет о своем полноценном овладении новыми функциями. Так осу-

ществляются одновременная резкая демаркация общественного и частного, яркое освидетельствование наличия мужского достоинства и торжественная декларация «спасения чести», а также подтверждение того, что все происходит в соответствии с требованиями традиции. Воздействие особого магрибинского «порядка» взаимоотношения полов сильно, ибо он суров и эффективен, и именно эта его действенность и обеспечивает ему столь долгую выживаемость. Он моделирует проблему секса, интегрируя ее в сферы общественного бытия, одновременно объединяя индивиды и группы. Более того, он очевидным образом подчиняет даже интимную жизнь действующей в обществе иерархии полов, обеспечивая таким образом гомогенность социума. Может быть, подчинение магрибинской женщины было просто «исторической случайностью». Однако оно вполне соответствовало многочисленным и противоречивым требованиям и установкам общественной системы. На этом пути, проложенном традицией, каждый хорошо понимал, что от него требуется. Заботы одних, прерогативы других, их взаимные обязательства были определены столь четко в плане производства материальных благ, сколь и в среде поддержания моральных ценностей и воспроизводства рода, и все это происходило в недрах самой семьи, где все тот же авторитарный принцип однозначно определял ее функции и регулировал всю совокупность личностных отношений. На авторитарности строятся и половые отношения. Но авторитарность лежит и в основе отношений между поколениями, между учителем и учеником, между управляющим и управляемыми, между хозяевами и работниками и даже между верующими и Богом. Нечто вроде всеобщего согласия или некоей заранее осуществленной совместной договоренности способствует укреплению гендерных обычаев, а они, в свою очередь, укрепляют власть общественного мнения, усиливают его давление. Особая мораль, определяя единое направление для индивидов, привносит, в свою очередь, собственный и немалый вклад в поддержание общественного порядка.

Магрибинский «порядок», магрибинская концепция взаимоотношений полов предстает как своеобразная вторая природа этого общества. Она как бы вместе с ним прошла весь путь во имя самой себя, своего утверждения. Это только теперь, а *posteriori*, такой «порядок» может показаться отчуждающим и отчужденным. Но это уже само по себе предполагает необходимость подлинной эмансипации, самосознания личности и выработки иного мировоззрения.

Именно об этом и идет сегодня речь в Магрибе. (Все вышеуказанное подтверждается в многочисленных произведениях магрибинской литературы XX–XXI вв. – *Прим. пер.*)

* * *

Было бы преждевременным заявлять о конце традиционного «порядка» в сфере отношений полов. Многие еще продолжают придерживаться его. Известно, что, когда речь идет о весьма жесткой системе, любая трещинка воспринимается как катастрофа, любой тревожный сигнал звучит как набат. Поэтому вернее будет сказать, что определенные табу сегодня не исчезли, но лишь видоизменились. Их воздействие на нас неоднозначно и воспринимается всеми по-разному. Все процессы так называемой модернизации, более или менее глубокие социальные изменения способствовали формированию новых ценностных ориентаций, которые не заменили полностью, не вытеснили старые ценности, как этого многим хотелось бы, но стали с ними конкурировать. И та стадия переходности гендерной проблемы, которая характерна сегодня для Магриба, являя собой движение от однозначности к амбивалентности. В рамках краткого анализа отметим лишь главные вехи изменений, которые охватывают всю социальную историю стран Магриба.

Все началось с дискуссии о роли женщины в Магрибе. Сама идея женской эмансипации ставит под сомнение традиционную концепцию семьи в целом, начиная с абсолютного главенства в ней мужчины, всевластия мужа и безусловной авторитарности отца. Уже нигде не удерживаются без существенных изменений главные элементы *джабра* (права принуждения, осуществляемого главой семьи в отношении женщин, в особенности девушек). С помощью школы, даже если повсюду процент обучающихся девочек заметно ниже, чем у мальчиков, женщины постепенно отказываются носить покрывало на лице, в некоторых районах закрывать лицо уже вообще не принято; женщины смело выходят из дома, толпа людей на улицах ныне смешанная, в школах и университетах также смешанное обучение; в семье заметно изменилась роль женщины, они теперь в массе своей работают и зарабатывают, давно усвоили европейскую модель поведения и одежды, восприняли культурные стереотипы, активно насаждаемые средствами массовой информации... Все это облегчает внедрение нового типа мышления, миропонимания, которое, в свою очередь, способствует тому, что ста-

рые модели взаимоотношения полов, традиционные нормы многим сейчас кажутся нелепым анахронизмом.

Эволюция, разумеется, не везде одинакова, это зависит и от страны, и от социальной среды. Где-то ее усиленно подталкивают, а где-то и тормозят. Бургиба (президент Туниса после 1956 г. – *Прим. пер.*) мог себе позволить ускорить процесс и возвести эмансипацию женщины в ранг национального приоритета. Вмешиваясь в дискуссию и не стесняясь своих сограждан, он рассказывал об интимных подробностях своего личного опыта и не смущался в объяснении деталей планирования деторождения, а также иронизировал над старыми обычаями и традиционными взглядами <...> Но есть в Тунисе и силы, которые хотят задержать процесс продвижения общества. Они напрасно высмеивают то, что называют «эмансипацией наизусть», имея в виду, например, участие женщин в партизанском движении во время Алжирской войны, женщин-полицейских в Тунисе. Но процесс эмансипации остановить уже нельзя, и если сегодня некоторые женщины снова начали закрывать лица на «исламский манер», то это всего лишь временная мода, подобие политического вызова.

Дискуссия, которая разгорелась в Алжире в январе 1982 г. в связи с обсуждением проекта о статусе личности, знаменательна в разных аспектах. Она сделала достоянием общественности один из самых деликатных, самых интимных вопросов. Вмешались женщины, и их вмешательство привело к тому, что проект был оценен как ретроградный и обсуждение его было отложено (*L'intervention... 1982*). Как бы ни сложилась в дальнейшем судьба этого текста, очевидно: алжирская женщина выступила публично и заставила услышать свой голос. В противоположность женщине тунисской, которую эмансипировали почти против ее воли...

Молодежь Магриба больше не воспитывается в рамках единой для всех модели, а потому перед ней и не встает проблема либо интеграции в эту модель, либо маргинализации. Она выбирает иные, самые разнообразные модели, преимущественно европейского образца. Проблема взаимоотношений полов в эпоху научно-технической революции десакрализована, она обретает черты вседозволенности и начинает конкурировать с традиционной.

Явление парадоксальное, но реально существующее: галопирующий рост населения, буквально изнузив магрибинскую женщину, теперь стал ее достойным союзником в усилиях, направленных на собственную эмансипацию. Тяжесть демографического фак-

тора в Магрибе – как и повсюду в странах Африки Азии – была весьма ощутимой и воспринималась всеми, кто ощущал гражданскую ответственность, как угроза экономическому, социальному и культурному развитию. 60-е гг. были порой обретения самосознания. А появление новых средств предупреждения и прерывания беременности (легкодоступных, дешевых, простых и эффективных препаратов) привело к тому, что иные государственные деятели, обеспокоенные угрозой голода и грядущего обнищания широких слоев населения, увидели в контрацептивных средствах реальный путь к спасению.

Вмешательство иностранных экспертов в обсуждение этого вопроса не сняло остроту самой проблемы, ставшей интернационализованной, вышедшей за границы традиционного ее понимания. Более того, она стала объектом экономической статистики. Специалисты попробовали подсчитать процент будущего прироста населения в исламских странах, определить уровень «исламской» рождаемости. Было заявлено, что он колеблется между 40 и 60 %, превосходя, таким образом, уровень рождаемости в соседних странах... (The Population Council 1967).

На «исламскую этику» и традиционный «порядок» сейчас уже возлагают ответственность за «слаборазвитость» исламских стран. В алжирском докладе, упомянутом выше, отмечалось: «Хотя в целом религия рассматривалась как фактор, влияющий на рождаемость, ислам не привлек к себе должного внимания исследователей». Десятки национальных и западных исследователей – демографов, экономистов, специалистов самых разных профилей – в спешном порядке начали изучать проблемы Магриба, чтобы определить степень зависимости между гендерными проблемами и уровнем развития народов. Средства массовой информации, чтобы не отстать, стали оказывать воздействие на население, призывая магрибинок и магрибинцев контролировать деторождение, преодолевать тенденции к многодетности, отныне попавшей под подозрение как причина экономической, социальной и культурной отсталости. Марокканский министр экономики и планирования, выражая общую озабоченность, заявил в 1966 г., обращаясь к врачам: «Слишком большой, чрезмерный рост населения, особенно детского, ставит сегодня перед нашим обществом грозные проблемы... И вам... следует найти средства, которые помогли бы нашему обществу выйти из затруднительного положения и предотвратить неизбежно надвигающуюся на нас беду, ибо высокий уровень рож-

даемости представляют подлинную угрозу»². Многими магрибинцами – в том числе в Тунисе, где также была развернута подобная пропаганда, – призывы к «семейному планированию» были восприняты как бестактность, как насилие над традиционным сознанием и как покушение на целомудренность.

Проблема переходит, таким образом, в иную плоскость, развертывает новый спектр способов существования, среди которых одним из самых распространенных становится отношение к партнеру с точки зрения планирования рождаемости и качества контрацепции: становится тем, что подлежит управлению. А это, в свою очередь, способствует банальному пониманию проблемы, низведению ее на уровень вульгарной техники половых отношений. Главным становится – даже если это не формулируется открыто, но имплицитно подразумевается – не столько, что бы там ни говорили, этика супружеских отношений, взаимная нежность партнеров, сколько стремление к удовлетворению без зачатия.

Проблема инструментализуется и лишается души. В то время как традиционное общество требовало потомства, хотя и не исключало при этом цели любовного наслаждения. <...> Любви всепоглощающей, любви интимной (которой, несмотря ни на что, традиция все-таки учила) теперь противопоставлена любовь техническая, гигиеническая, стерилизованная и во многом опошленная, банальная.

Как бы то ни было, публичное выставление проблемы на всеобщее обсуждение заметно ослабило социальную напряженность, способствовало значительному оживлению свободы нравов. Поведение, которое прежде считалось бы предосудительным, все больше распространялось в обществе: женщины осмеливались носить короткие и легкие платья, парочки держались, не прячась, за руку, обнимались прямо на улице, в кафе или на пляже в купальных костюмах. Добрачные, внебрачные и гомосексуальные отношения больше не являются объектом безоговорочного осуждения. В 60-е гг. были опробованы все способы «семейного планирования». В 70-е гг. нахлынувшие в Магриб толпы туристов и, в меньшей степени, работающие в этих странах иностранные специалисты распространили новые и свободные от всяких обязательств модели взаимоотношения полов. Туризм представлял постоянную и в то же время разнообразную возможность развлечений, легкого

---

² Journal de médecine du Maroc. 1967. Vol. 3(1).

завязывания знакомств, связей, широкого выбора случайных партнеров. Все большее распространение находит форма мужской проституции при участии посредников и «жиголо». С молодых лет магрибинцев искушает возможность легкого заработка иностранной валюты, становящегося одним из способов «инициации». Магрибинская женщина, которая раньше почти все время проводила взаперти, сидела в «футляре» своего дома, вдруг обнаружила, что ее прелести не оставляют равнодушными заезжих иностранцев. Да и вторжение богатой арабской клиентуры углубило процесс падения нравов, что для многих не осталось незамеченным.

Магриб не миновала и волна порнографии, захлестнувшая Запад. Теперь, чтобы посмотреть какой-нибудь «особенный» фильм, не надо ждать случая побывать в Европе. Видео предоставляет новые и значительные возможности для вседозволенности и самоутверждения. Скромные и застенчивые в сравнении с некоторыми видеокассетами альбомчики и иллюстрированные журналы с когда-то «смелыми» фото выглядят сегодня как невинные забавы...

Конечно, не всюду эта зараза проникла глубоко. Тем не менее она распространилась, пусть даже «болезнь» зачастую протекает в стертой форме... Но следует решительно отказаться от мысли, что вседозволенность – явление, характерное лишь для определенной социальной среды. Нельзя провести четкий водораздел между определенными экономическими или социальными слоями. Невозможно, например, утверждать, что вседозволенность постоянно встречается только в городской среде, а деревенское население – более консервативно, демаркационная линия может проходить иногда даже в недрах одной семьи.

Как бы там ни было, ясно одно: наблюдается общая тенденция к десакрализации проблемы взаимоотношений полов. Брак, к примеру, никогда не был на земле ислама священным таинством. Он всегда представлял собой тип договорного контракта, расторгаемого по обоюдному желанию сторон, причем с юридической точки зрения наиболее выгодный для мужа. Однако традиция рассматривает брак как определенный религиозный обряд, тем более что для него в Коране имеются точные предписания. Сегодняшнее широкое распространение различных медицинских средств и свобода половых отношений превращает проблему в сугубо личный выбор, в совершенно «светское» дело, имеющее отношение к человеческой, а не божественной истории. Нейтрализованная таким образом и ставшая вполне банальной, эта проблема как результат личного

выбора становится действительно частным делом и при этом отнюдь не долговечным. Происходит, с одной стороны, опoшление проблемы, с другой – ее персонализация. Оба этих процесса развиваются одновременно, хотя они по-разному воспринимаются и неравномерно распространяются среди магрибинцев. Но различные типы поведения структурируются вокруг проблемы свободы половых отношений и личной ответственности. Самая большая проблема для магрибинских обществ – это знать, надо ли действительно заботиться о поведении, и если да, то каким образом. Традиционные воззрения еще продолжают существовать в самых широких слоях общества. И хотя они утратили монополию, это не значит, что они полностью исчезли. Еще продолжает сохраняться сильная консервативная линия как гарантия некоей стабильности, солидности. В традиционных моделях взаимоотношений полов видят не только элементы, проверенные веками, но еще и определенного рода меру аутентичности соответствия определенному обществу, верности ему. Для многих лишь сакрализация традиции может поддержать коллективную идентичность и сохранить общественную целостность. И это принадлежит не только прошлому. Не случайно, что и сейчас как в Тунисе, так и в Алжире (и в Марокко, добавим мы. – *Прим. пер.*) брак магрибинки с немагрибинцем рассматривается как скандальное происшествие. <...> Всякая брешь, даже самая минимальная, в традиционной структуре отношений считается поражением, как признание бессилия, полного краха общепринятых установок. Традиционная модель настолько жесткая, что ее либо надо принимать такой, какая она есть, либо отказаться от нее. В этом и ее сила, и ее слабость.

В противовес этой модели современная – гибкая, ибо в ней приоритет отдается персональному выбору. <...> Однако магрибинцы уже видят, что новые модели полового поведения отнюдь не предохраняют общество от беспорядков и волнений, напряженности, в том числе и социопсихологической, культурной. Но именно эти беспорядки и волнения фиксируются статистикой, отмечаются и анализируются не только моралистами-консерваторами, но и врачами, и психотерапевтами любого идеологического толка, которые руководствуются отнюдь не какими-то традиционалистическими или радикальными критериями, а одними лишь фактами, используя научный подход к ним.

Вседозволенность на западный манер – источник социального и психологического травматизма. (В происходившей уже в конце

XX века почти целое десятилетие гражданской войне в Алжире исламские интегралы обвиняли власть, в частности, в проникновении «западных влияний». – *Прим. пер.*). Она обретает подчас форму жизненной ярости, легко объяснимой в таком совершенно закрытом обществе, как восточное, обрекающем индивида на глубокую фрустрацию. «Алжир, – заявил в интервью газете “Монд” более десяти лет назад алжирский писатель Рашид Буджедра, – это общество, в котором царствует полигамный патриархат. И, следовательно, это – общество, кастрирующее своих сыновей и в то же время обрекающее их на инцест. Бунт сыновей против своих отцов выражается в непослушании, неповиновении, в дебошах. Когда сексуальность подавлена, это оборачивается актом возмездия, политическим актом отвоевания поправленных прав и утверждением сексуальной свободы»³. Разумеется, можно не согласиться с этим достаточно резким и полемично заостренным высказыванием. И не стоит воспринимать его буквально. Однако оно выражает умонастроение того поколения магрибинцев, которое глубоко переживает свой юношеский кризис или по каким-то причинам еще не вышло из него, будучи уже взрослым... Обычно подавленная сексуальность поначалу своим следствием имеет взрыв, бунт личности, которая по-настоящему освобождается лишь значительно позже и только в процессе борьбы со своим собственным «я», осознания и обретения личностной ответственности. Но магрибинское воспитание еще далеко от этого. Оно еще только выходит на правильный путь. <...>

Необходимость демифологизации женщины и не меньшая необходимость демистификации сексуальности сопровождаются мистификацией другого рода, столь же опасной, ибо она используется для манипуляции сознанием масс в чисто коммерческих целях. Таким образом, вседозволенность на западный манер имеет освободительный характер только по видимости.

В сфере взаимоотношений полов, как и в любой другой, сегодня в Магрибе существуют две модели, которые диалектически взаимодействуют, сменяя одна другую или заменяя одна другую по принципу превосходства на определенном этапе... И в этом плане, как и в любом другом, модернизация чаще всего сводится к механическому подражанию чужому образу жизни, а не к творчеству

---

³ Le Monde. 1970. I. 24. См. также все его романы. Подробно о них – в нашей книге «Алжирская сюита». М., 2014. – *Прим. пер.*

и новации. Так что соревнование в рассматриваемом нами вопросе – это не способ выбора между воспроизведением какой-то другой модели и попыткой создать новую. Это соревнование двух способов механического подражания, равно опасных и вредных: подражания прошлому и подражания чуждому, чуждому. Обе модели – в равной степени утрачивающие свою силу, травмирующие личность <...> (Показательна в этом аспекте современная магрибинская новеллистика, написанная женщинами в 1980–2000-е гг. – *Прим. пер.*)

Выше отмечались важная роль понятий целомудрия и чести как основных добродетелей в традиционном магрибинском обществе, их взаимодействие и их связь с понятиями общественного и частного в традиционном сознании. Однако все эти понятия и представления претерпевают существенные изменения. Конечно, взаимоотношения полов остаются делом частным, понимаемым традиционным сознанием как целомудренное и не унижающее достоинства человека. Но само понимание частного стало более личностным. Да и женское целомудрие понимается теперь более ограниченно. Оно связывается с совсем другими ситуациями и поступками. И понятие чести не столь глобально и тотально, как прежде.

Выходя на улицу с открытым лицом и зачастую одевшись весьма вызывающе – будь то облегающие узкие брюки, джинсы, бермуды или мини-юбка, – магрибинская женщина имеет сегодня другое представление о целомудрии. А магрибинский мужчина, терпимо относясь к внешнему облику женщины, уже в ином плане мыслит понятие чести. Вроде бы все остаются только в выигрыше: меньше ханжества, больше искренности, свободы в отношениях и поведении – можно пококотничать, кого-то соблазнить. Ну и, конечно, эротизация, более или менее распространившаяся в обществе (как ответ на тенденцию, пришедшую с Запада), которая позволила проблеме выбраться из сферы сугубо частной в сферу публичную...

Встают два вопроса. Можно ли говорить об эмансипации, как мужской, так и женской, в Магрибе и связана ли она с женской эмансипацией? Что касается первого, то все брожение, которое сейчас наблюдается, – это реакция на окостенелость старых представлений, неадекватность их современным нормам жизни, которые насаждаются и распространяются сегодня произвольно и хаотично. Возникает некая чрезмерная сексуальность, которая становится знаком жизнеспособности и быстрой реакции на процессы модернизации. Десакрализованная вседозволенность как разрыв

с прошлым. Но разрыв – это еще не эмансипация, и традиционный «порядок» половых отношений еще не умер. Таким образом, Магриб продолжает еще оставаться весьма консервативным. Старые представления о браке изменились, но не до конца изжили себя. Возникает нечто вроде консенсуса между старым и новым, который использует благоприятную либо социально-экономическую, либо политическую ситуацию.

Выбор партнера, особенно для девушки, становится делом личным. Самостоятельность женщины проявляется в недрах семьи. Фактически, хотя еще и не всегда юридически, она стала экономически значимой личностью. Вопреки точным предписаниям Корана, женщина все более активно участвует в экономической поддержке своей семьи. Ее участие в общественной и политической жизни стало также весьма заметным, к ней относятся с уважением, воспринимая ее социальную роль вполне серьезно. Таким образом происходит перераспределение ролей в обществе, результаты которого не столь уж и драматичны, как опасались ранее. Но недавние данные о положении с разводами в столичной области Туниса (Union... 1983) многих удивили: устойчивые семьи с «нуклеарной» моделью (в которой «ядро» – глава семьи. – *Прим. пер.*) здесь весьма распространены во всех социальных слоях. Все происходит так, словно, преодолев трудности переходного возраста – подросткового периода – и обретя зрелость, магрибинец восстанавливает связи с некоторыми из старых традиций. Разрыв с этими традициями, следовательно, не носил всеобщего характера, скорее это было освобождением от балласта, чем поворотом в противоположную сторону. Отсюда следует, что даже внешне весьма значительные перемены в общественной жизни не должны рождать иллюзий ни об их глубине, ни о радикальном их воздействии на все дальнейшие процессы общественного развития.

Что касается второго вопроса, то здесь надо быть более осторожным. То, что на Западе называют сексуальной революцией, касается больше мужчин, чем женщин. Конечно, конец домашнего заточения сам по себе действительно означает освобождение. Это, безусловно, завоевание, и пренебрегать данным фактором не следует. Это – шаг на пути к истинной эмансипации. Но сексуальная свобода еще не окончательная эмансипация ни мужчины, ни женщины. Все захлестывающая волна порнографии с трудом может быть интерпретирована в плане эмансипации даже западной

женщины. Не продолжает ли и сам мужчина оставаться отчужденным, в плену своих собственных представлений? А что выиграла от этого магрибинская женщина? Не больше, чем магрибинский мужчина, если вообще можно так ставить вопрос. И, пожалуй, ей еще следует опасаться, что если не будут приняты соответствующие меры, то своего подлинного освобождения и реальных возможностей для проявления социальной активности ей придется дожидаться довольно долго. Марокканский социолог Ф. Мернисси заметила: «Проблема семьи, любви – это проблема культуры, а женщина всего лишь символ пассивности в рамках культуры эпохи технического прогресса. В этом смысле и арабский мужчина не образец активности, он лишь послушный исполнитель, а не творец, не создатель, он сегодня играет в этой культуре ту же роль, которую уготовило когда-то женщине традиционное общество...» (Zakiya Daoud 1983; см. также: Mernissi 1982).

Эмансипация в широком смысле – это проблема всеобщая, а гендерная – лишь ее часть, один из ее аспектов. Подлинная эмансипация с необходимостью предполагает обучение свободе, понимание всей глубины ответственности человека и уважения партнера как существа автономного, самого по себе достойного любви.

Сегодня мужчина и женщина заново открывают себя друг для друга. Взгляд, брошенный ими друг на друга, – это не столько ободрение, сколько вопрос. Сбрасывая покрывало, целомудренная магрибинка, смущенная и испуганная, вдруг обнаруживает, что ей абсолютно нечего было скрывать. И магрибинец, в свою очередь, разочарованно обнаруживает, что ему нечего было особенно-то и открывать в ней из того, чего бы он не знал. И оба они в конечном итоге замечают, что чистота и целомудрие ничего общего не имеют с заточением женщины в доме, с «честью» мужчины, и что стыдливость и непорочность – не итог жизни за глухими стенами дома, не результат ношения чадры. Если это правда, то, говоря словами Р. Ле Сэнн (цит. по: Jankélévitch 2011: 793), «невинность – это доверие к чистоте, когда вокруг царит грязь». Никогда еще ранее целомудрие и честь не были столь необходимы, как сегодня. К активному возрождению этих ценностей мы стремимся сегодня в Магрибе.

Перевод с французского С. В. Прожогойной
© 1992, журнал «Восток», № 1

Литература

- Bichr Fares.** 1932. *L'honneur chez les Arabes avant l'Islam*. Paris.
- Chelhod, J.** 1971. *Le droit dans la société bédouine*. Paris.
- El Féki, Sh.** 2012. *Sex and Citadel. Intimate Life in Changing Arab World*. N. p.: Panteion Books.
- Hamman, A. G.** 1979. *La vie quotidienne en Afrique du Nord au temps de saint Augustin*. Paris.
- Ibn Abi Dhiaf.** 1963. *Ith'af ahl Alzaman bi Akhbar muluk Tunis wa 'Ahd el-Aman*: 8 vols. Vol. 4. Tunis: Secrétariat d'État à l'Information et à la Culture.
- Jankélévitch, V.** 2011. *Traité des vertus*. Paris.
- Léonetti, I., Levi, F.** 1979. *Femmes et immigrées*. Paris.
- L'intervention** du député Mme Zhor Ounissi Ounissi devant l'Assemblée nationale algérienne le 6 janvier, 1982.
- Mernissi, F.** 1982. *Sexe, idéologie, Islam*. Paris.
- Mrabet, F.** 1967. *Les Algériennes*. Paris.
- Naciha Lakhil Ayat.** 1978. *La femme tunisienne*. Dar al-Amal.
- Picard, Ch.**
1965. *La civilisation de l'Afrique romaine*. Paris.
1970. *Vie et mort de Carthage*. Paris.
- Slaibi, H.** 2009. *La recherche sociologique dans le monde arabe: approche thématique et évolution méthodologique*. Metz: Université Paul Verlaine.
- Sleim Ammar, Habib Ledjri.** 1972. *Les conditions familiales du développement de la schizophrénie*. Paris.
- The Population Council**
1967. Attitudes de l'Islam face à la régulation des naissances. *Journal de médecine du Maroc* 3(1).
1986. *Attitudes de l'Islam face à régulation des naissances*. New York.
- Tillion, G.** 1966. *Le harem et les cousins*. Paris.
- Union nationale** des Femmes de Tunisie. 1983. Le divorce dans la région de Tunis, juin (dactylographié).
- Zakiya Daoud.** 1983. Fatima Mernissi à cœur ouvert. *Lamalif* 146: 40–46.
- Zwang, G.** 1978. *La fonction érotique*, ch. II. Paris.